Ассоциация «Братья-мусульмане» и перспективы политических процессов в современном Египте

М.З. Ражбадинов

Статья посвящена роли движения «Братьев-мусульман» в текущих внутриполитических процессах в Египте. В ней отмечается, что партия «Свобода и справедливость» (ПСС), принадлежащая к Ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ), пришла к власти в постреволюционном Египте в силу объективных причин, в том числе в связи с потерей доверия населения к партиям светской ориентации. Образовавшийся вакуум заполнила АБМ. В то же время «Братья-мусульмане» – это умеренное движение политического ислама, нацеленное на проведение демократических реформ в Египте на основе принципов исламской этики.

Сегодня движение политического ислама в Ближневосточном регионе невозможно представить без возникшей в Египте в конце 20-х гг. прошлого века старейшей исламской умеренной организации «Ассоциация «Братья-мусульмане». Ее идеология и политическая философия оказала большое влияние на развитие современного исламизма. Несмотря на то что сегодня исламские течения в различных странах действуют самостоятельно и расходятся с традициями «Братьев-мусульман», именно в Египте исламское движение имеет наиболее многовариантные подходы в отношениях со светскими политическими силами и государственными структурами.

Несомненную актуальность анализ деятельности «Братьев-мусульман» придает факт их прихода к власти в такой ключевой стране арабского мира, как Египет. В определенной мере политический кризис, разразившийся в Египте в январе–феврале 2011 г., стал неожиданным для «Братьев-мусульман». Максимум, на что рассчитывали исламисты, – использовать общественные протесты и провалить требование о

пересмотре итогов сфальсифицированных властями парламентских выборов, прошедших в ноябре–декабре 2010 г. Последующая повестка требований АБМ формировалась по ходу стремительного развития событий. После захвата молодыми манифестантами площади Тахрир и ввода в Каир военных сил руководство движения занимало усредненную позицию. С одной стороны, «Братство» двигалось в общем потоке революционных событий, поддерживая требования молодежи и либеральной оппозиции (отставка Мубарака, роспуск парламента, отмена чрезвычайного положения), с другой – в позиции некоторых представителей движения чувствовалась неуверенность, желание выждать исхода событий. При этом многие активисты молодежного крыла АБМ практически действовали самостоятельно в координации с молодежными светскими группами.

Когда стало очевидным, что ситуация необратимо развивается в сторону свержения режима в условиях растущего хаоса и массовых общественных выступлений, Ассоциация сделала

Ражбадинов Марат Заурович – к.и.н., второй секретарь Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России, внештатный эксперт Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО(У) МИД России.
E-mail: nol2001@mail.ru

окончательный выбор в пользу поддержки требований отставки Х. Мубарака. АБМ практически взяла на себя инициативу начиная со 2 февраля 2011 г. и массового нападения сторонников Х. Мубарака на манифестантов на Тахрире АБМ фактически взяла на себя лидерство в антиправительственных выступлениях. Движение организовало оборону и подвоз продовольствия на площадь, была объявлена полная мобилизация всех людских и материальных ресурсов Ассоциации, что окончательно переломило ситуацию в пользу демонстрантов. И если на начальном этапе революции присутствие АБМ в ней было достаточно ограниченным (некоторые наблюдатели свидетельствуют о 20–25% участия членов Ассоциации), то на завершающем этапе в победе революции важнейшую роль сыграли именно исламистские силы.

Победа партии АБМ «Свобода и справедливость» (ПСС) в ходе последовавших затем парламентских и президентских выборов вполне закономерна. Прежний режим не оставил на политическом поле ни одного серьезного конкурента, целенаправленно маргинализовав все светские силы. Для определенной части политически активного населения исламизм оставался единственным каналом самореализации. «Братьям-мусульманам» удавалось выжить благодаря опыту длительного исторического сосуществования с режимами различной окраски (монархическом при короле Фаруке, авторитарно-республиканском при Г.А. Насере, полудемократическом при А. Садате и Х. Мубараке), а также масштабной социальной работе в различных слоях населения.

Со своей стороны армия сыграла ключевую стабилизирующую роль в первые месяцы революции, не допустив полного развала ситуации в стране, сделав выбор в пользу уступки египетской «улице» и ухода Х. Мубарака с политической авансцены. Во время передачи власти от военных к гражданскому руководству в середине 2012 г. у генералитета, по сути, не было альтернативы. С одной стороны, они видели в стране организованное движение умеренного политического ислама с большим историческим опытом общественной деятельности, а с другой – слабый и разрозненный светский лагерь. Очевидно, что для светской оппозиции требовался определенный лимит времени для укрепления своих позиций в новых условиях. Военные вполне резонно сомневались в способностях либеральных сил удержать страну от полного политического развала. Идеи левого спектра и либеральные концепции, как, впрочем, и все светские политические альтернативы, существенно девальвировались в глазах населения при режиме Х. Мубарака, в том числе и из-за откровенного конформизма и неконструктивной позиции лидеров данных партий.

«Братья-мусульмане» были главным объектом жестоких репрессий режима Х. Мубарака, соответственно до сих пор несут ореол главной жертвы тиранической системы и борцов с ее произволом. Однако необходимо отметить, что светские силы в настоящее время находятся в процессе активного восстановления. Есть признаки консолидации либерального лагеря вокруг

набирающих популярность Мухаммеда Барадея, Усамы Газали Харба (лидер партии «Демократический фронт»), Аймана Нура (в прошлом глава партии «Завтра»), всегда выступавших с четкой либеральной платформой. В качестве центристского политика все больше позиционирует себя Амр Муса, в прошлом генеральный секретарь Лиги арабских государств.

В условиях сложной социально-экономической ситуации появляются перспективы у левых сил и насеристов, которые имеют достаточно популярных политиков – Хамдин Сibaхи (лидер насеристской партии «Карам»), Абу Эзз аль-Харири (бывший член руководства левой партии «Тагамму»), Джордж Исхак (в прошлом один из руководителей протестного движения «Кифая»), – способных объединить различные силы левой светской ориентации. Три упомянутых человека имеют безупречную репутацию честных идейных политиков, не склонявшихся при прежнем режиме ни перед угрозами и шантажом, ни перед попытками подкупа. Всем упомянутым деятелям предстоит вернуть доверие населения к светским политическим ценностям. Впрочем, не исключено, что в ближайшее время на египетской политической арене могут появиться новые молодые политики, выдвинувшиеся на гребне революционных событий.

На ближайшую перспективу динамика дальнейшей внутривнутриполитической ситуации в стране будет зависеть от взаимоотношений «Братьев-мусульман» как с военными, так и со светским политическим спектром. Очевидно, что генералитет в определенной степени рассчитывает на то, что АБМ сможет стабилизировать сложную ситуацию в стране, при этом сохранив интересы военных в экономической сфере. Скорей всего «Братья-мусульмане» постараются соблюсти баланс между военными и давлением светских сил. Главная задача исламистов – вывести Египет из политической турбулентности и экономического застоя. В то же время политическая стратегия АБМ также будет зависеть от внутренней ситуации в движении, хода дискуссии между «консерваторами» и «реформаторами», контуров заявленного курса на внутреннюю реформацию Ассоциации в новых условиях, поиска компромиссных вариантов сочетания исламизации с демократизацией. Принципы демократии и гражданского общества для «Братьев-мусульман» являются вполне привычной аксиомой. Движение имеет большой опыт работы со светскими политическими силами, так же как и в нахождении внутреннего консенсуса.

Двойственная природа АБМ, о которой сейчас все чаще говорят наблюдатели, отражает историческую природу Ассоциации, возникшей в качестве культурного явления современного ислама и одновременно как политическая сила. Прагматичное политическое руководство Ассоциации традиционно пыталось включить в движение весь исламский спектр Египта, как традиционалистов, так и радикалов, или аккумулировать интересы консервативной части египетского общества в категории, приемлемые для современного светского сообщества. Главную

■ Международные отношения

роль в такой мягкой адаптации играла именно консервативная часть руководства АБМ, в состав которого входили богословы и теологи. Соответственно диалог между консерваторами и прагматиками будет в движении всегда, главное то, что за 60 лет своего существования «Братья-мусульмане» выработали способность находить компромиссы и приспосабливаться под новые условия жизни.

Это вовсе не исключает того, что те или иные деятели движения могут использовать радикальную риторику для расширения своего влияния в среде наиболее консервативных исламских течений, с тем чтобы со временем добиться от них согласия с генеральным курсом «Братьев-мусульман», направленным на адаптацию исламского права или его реформирование сообразно условиям нового времени. Еще один важный момент – реформация внутри ислама, начатая еще в XIX в., не прекращавшаяся все последнее время и, скорей всего, только усиливающаяся в ближайшем будущем. В результате событий «арабской весны» исламская реформация только активизируется, так как складываются благоприятные для этого процесса факторы. В этой связи не совсем правомерным выглядит утверждение о том, что «арабская весна» – не более чем реванш консервативных исламистских сил, профинансированных монархиями Персидского залива.

«Арабская весна» есть результат отражения сложного трансформационного процесса внутри исламской цивилизации, попыток адаптировать исламскую культуру к современной глобализации, сочетать консервативное начало с модернистским. За такими процессами не стоит усматривать исключительную угрозу сплошной исламизации. Речь идет о новой попытке переосмыслить вестернизацию на исламский лад. «Братья-мусульмане» не выступают против модернизации как таковой, они лишь предлагают отказаться от форсированных или агрессивных попыток модернизации исламского мира и двигаться по пути реформ осторожно, соблюдая середину между консервативным и модернистским началом, традицией и прогрессом. В такой постановке тезиса «Братья-мусульмане» выражают интересы той части консервативно мыслящего среднего класса и интеллигенции, которая ориентируется на умеренную демократизацию мусульманских обществ, проведение постепенных политических и социальных реформ на основе религиозных ценностей.

Мы являемся свидетелями того, как сегодня политический арабский ислам впервые входит в фазу легального существования. Прежде в большинстве арабских стран исламские умеренные течения находились под перманентным прессингом государства. Практически полная закрытость системы для исламистских организаций и очевидные нарушения в ее функционировании по отношению к легальной оппозиции, разрыв между реальными потенциалом и влиянием умеренного политического ислама и способностью или желанием институциональной системы интегрировать эти силы сдерживали «ползучую» либерализацию политического исламизма. В

качестве ответной реакции они усиливали в исламизме консервативное содержание.

Политическое руководство «Братьев-мусульман» в последнее время делает акцент на общенациональном характере своей миссии по выводу страны из политического и экономического кризиса, подчеркивая, что партия открыта для конструктивного диалога со всеми светскими силами. Современные идеологи движения считают, что исламское государство должно быть гарантом гражданских прав и свобод. Отходя от крайнего индивидуализма Запада и восточного коллективизма, исламская система, по мнению идеологов АБМ, предлагает соблюдать баланс прав отдельной личности и всего общества. Политические концепции Ассоциации отвергают теократию, так как она в доктринальном плане несовместима с принципами суннизма.

Базовые теоретические выводы «Братьев-мусульман» по вопросу исламского государства предусматривают политическое участие населения, подотчетность правителя парламенту, верховенство права и равенство всех граждан перед законом. Все эти аспекты входят в число основных демократических ценностей. Все большее хождение получает концепция «исламская демократия» в интерпретации различных теоретиков АБМ. При этом перед ПСС маячит перспектива возрастающей конкуренции со стороны альтернативных исламских движений как салафитской направленности, так и либеральной¹.

В то же время в стране сохраняется достаточно высокий уровень конфликтного потенциала между светскими и происламскими силами, который будет периодически обостряться до разной степени нагрева в силу остроты политической борьбы или зависеть от успеха реформ по демократизации Египта. Между АБМ и либералами существуют достаточно серьезные разногласия по формам переходного этапа, скорости реформ и демократизации, месте ислама в современном египетском обществе, приоритетах социально-экономических преобразований. В принципе все политические силы декларируют одну цель – строительство демократического Египта, но представления о «путях» к этой цели разные.

Кроме того, в светском лагере присутствуют опасения того, что в случае преобладания в руководстве «Братьев-мусульман» консервативных установок Египту угрожает новая и более опасная диктатура под религиозными лозунгами. Однако часть светских политиков не разделяют таких страхов, выражают заинтересованность в сотрудничестве с «Братьями-мусульманами», исходя из того, что они лучше радикальных салафитов, которые вообще не видят смысла в каком-либо диалоге со светскими партиями. Как полагает профессор политологии Каирского университета Хасан Нафиа, если бы не было рациональных «Братьев-мусульман», тогда везде бы господствовали радикальные идеи Сеида Кутба и Ибн Теймийи². Некоторые не исключают того, что АБМ, оказавшись у власти, неизбежно сделает крен в сторону большего политического прагматизма.

В такой ситуации многое зависит от способности «Братьев-мусульман» к компромиссам, если надо

будет идти на уступки. К поиску взаимных развязок между конструктивными светскими и умеренными исламскими силами может подталкивать и объективное стремление избежать обвала ситуации, в чем не заинтересованы и международные партнеры, финансовые доноры и инвесторы Египта. При этом в стране конструктивные политические силы четко осознают, что в случае усугубления в египетском обществе внутренних противоречий и сползания страны к дестабилизации к власти могут прийти ультраконсервативные религиозные группы, произойдет реставрация прежнего режима либо на авансцену выйдет военная хунта. Тогда уже точно никто не увидит «света демократии». Свидетельством такого понимания стали президентские выборы в июле 2012 г., когда в ходе второго тура светский политический спектр поддержал кандидата «Братьев-мусульман» от ПСС Мухаммеда Мурси, выступив против его основного конкурента в лице Ахмеда Шафика, олицетворявшего прежний режим.

Нынешняя политическая обстановка в Египте, характеризующаяся достаточно большим уровнем демократических свобод, впредь будет сопровождаться постоянным прессингом оппозиции в отношении любой правящей силы. Светские партии будут использовать в своих интересах любые политические или экономические просчеты «Братьев-мусульман», вынуждая их соотносить границы исламизации с декларируемым курсом на демократизацию египетской государственности. В то же время конфликтный потенциал заложен и в амбициях определенных кругов и слоев – бывшей бюрократии и бизнес-кругов, связанных со свергнутым режимом, партийной номенклатуры НДП, некоторых партий политической оппозиции. Недовольными остались и обездоленные социальные слои, безработная молодежь, наивно полагавшие, что стоит рухнуть режиму – и в стране настанет социальное благополучие.

В Египте сохраняет свое важное значение и фактор «уличного» давления. Для некоторых молодежных движений, в том числе новообразованных, «революция продолжается», и она будет продолжаться до тех пор, пока ее цели, в их понимании, не будут достигнуты. Главный метод активности подобного рода групп – это «уличная демократия» в форме уличных манифестаций и протестов против любого не понравившегося им шага новых властей. Существуют и откровенные демагоги и популисты, которые будут любыми средствами добиваться власти, используя лозунги исламистской угрозы либо, наоборот, «заговора» либералов и Запада против Египта.

Важным аспектом является и вопрос способности «Братьями-мусульманами» решить салафитскую проблему. Салафитское сложное наследие досталось «Братьям-мусульманам» от прежних режимов. Очаговая исламизация в салафитском контексте в различных сельских районах или городских кварталах уже давно стала неотъемлемой частью ряда арабских стран (Иордания, Египет, Алжир, Йемен). Но салафизм как социальное явление оставался и останется религией

активного меньшинства. Присутствие салафитов отчасти объяснялось и терпимым отношением к ним со стороны прежних режимов, рассчитывавших противопоставить их влиянию умеренных исламистов. В принципе «Братья-мусульмане» и иные исламские партии сегодня действуют в уже предельно исламизированном арабском социуме, инициированного «сверху» прежними режимами националистической ориентации.

Достаточно вспомнить, что не «Братья-мусульмане», а светский националист Анвар Садат в 1970-х гг. ввел в конституцию Египта положение о том, что шариат – главный источник законодательства страны. Сейчас проблема заключается в том, как в новых политических условиях встроить салафитский фактор в общее цивилизованное правовое поле по схеме «можешь быть салафитом, если тебе этого так хочется, но нарушать конституционные рамки никто не позволит». Такая модель де-факто существовала десять лет в ряде арабских стран. При этом режимы опирались в основном на тактику репрессивного устрашения. Естественно, что сейчас она может быть скорректирована с учетом новых условий, когда приоритет отдается не силе, а диалогу. В такой плоскости основной вопрос заключается в том, чтобы упомянутые салафитские анклавные не начали ползучее распространение и не превратились в благоприятные зоны для оседания идей «Аль-Каиды» (угроза такого сценария прежде всего существует в Ливии).

В Египте «Братьям-мусульманам» пока что удастся сдерживать салафитов в рамках альянсов или перманентно ведущегося диалога. Это отчасти может объясняться и более высоким уровнем организованности египетских салафитов, где умеренное течение легализовалось в партию, взяв под относительный контроль различные салафитские школы. В то же время в Египте нет той проблемы, с которой сейчас вынужден сталкиваться Тунис. Серьезным радикализирующим фактором для тунисских салафитов продолжает оставаться непростое региональное положение Туниса, в частности прозрачные границы с постконфликтной Ливией, прилегающая нестабильная Сахаро-сахельская зона, сложная ситуация в Мали. Во всех этих узловых точках наблюдается активизация джихадистских группировок, разделяющих идеи «Аль-Каиды в исламском Магрибе». Существует эвентуальная угроза «перелива» террористической активности из данных зон в Тунис. Очевидный трансграничный характер этой проблемы предопределяет необходимость коллективных усилий по ее решению в форме укрепления сотрудничества в этой сфере всех заинтересованных сопредельных стран Северо-Африканского региона с опорой на всестороннюю помощь международного сообщества.

В то же время в условиях «постреволюционной демократии» новые арабские элиты пока что склонны к дифференцированному подходу к салафитской проблеме, принимая во внимание наличие в салафитском лагере как радикальных, так и вполне умеренных компонентов. Решение вопроса противодействия деятельности непримиримых

■ Международные отношения

экстремистских групп лежит в плоскости не диалога, а принятия адекватных мер по обеспечению соответствующего уровня безопасности в стране, укрепления профессионализма правоохранительных органов нового Египта. Сила будет применяться в отношении лишь крайних экстремистов, в остальных случаях инициируется серьезный политический и богословский диалог или выстраивание системы балансов и сдержек.

Можно даже сказать, что «Братья-мусульмане» и «родственные» им партии в целом успешно сдержали первую волну возможной салафитизации «арабской весны». Во время политического кризиса и хаоса в Египте существовала определенная вероятность прихода к власти салафитских сил, зарегистрировавших на скорую руку свои партии, получив солидную финансовую помощь извне. Скорей всего фактор «Братьев-мусульман» на переходный период будет оставаться единственным серьезным идеологическим заслоном на пути следующих попыток возможной радикализации региона, в то время пока основные светские политические силы только начинают укрепляться.

На ближайшую перспективу ПСС предстоит непростая задача по выстраиванию диалога со всеми крупными политическими силами страны на основе новых правил политической борьбы в условиях демократии. Ключевые задачи переходного этапа: а) выработка законодательной базы реформ; б) определение политической модели Египта; в) определение места ислама в новом государстве, армии в будущем Египта; г) уточнение роли президента и парламента, судебных органов и СМИ в политической и государственной системах страны; решение сложных социально-экономических проблем³, борьбы с коррупцией. В отличие от Туниса, где армия после революции сразу ушла в казармы и добровольно отказалась от какой-либо роли в политике, в Египте военные традиционно выполняли функцию важного национального института. В этом плане Египет, возможно, только сейчас начинает двигаться по тому пути, который проделала Турция несколько десятилетий назад.

По прошествии 60 лет правления в Египте «военных лидеров» президентом страны впервые стал гражданский политик. В мае – июле 2012 г. в стране прошли первые после июльской революции 1952 г. свободные и альтернативные выборы президента. В отличие от Ливии, которая в

буквальном смысле начинает свое государственное строительство с нуля, не имея опыта жизни в рамках демократических структур, в Египте гражданские институты (парламент, партии, профсоюзы, свободная пресса, сильный судебный корпус) в деформированном виде существовали всегда: и в период «парламентской монархии» короля Фарука, и авторитарного правления Насера, и «управляемой демократии» Садата. В целом традиции политического плюрализма и терпимости в Египте более развиты, чем в большинстве других стран региона. Здесь исламское движение имеет долгий и богатый опыт взаимодействия с государством и другими политическими силами, что позволит всем сторонам несколько «притереться» друг к другу.

Таким образом, с учетом данных аспектов переход к новой государственности в Египте будет нелегким, и он может занять достаточно много времени. Очевидно, что в чистом виде западная модель демократии вряд ли применима к «египетской почве». Страна будет ориентироваться на строительство демократической государственности с учетом собственной культурно-цивилизационной специфики. Позицию «Братьев-мусульман» по этому вопросу достаточно четко сформулировал известный в Египте общественный деятель Фахми Хувейди, подчеркнувший, что признание ценностей демократии не означает слепое копирование всех западных институтов, посредством которых реализуются те или иные гражданские права. Историческая специфика мусульманских сообществ диктует необходимость выработки собственных моделей демократического развития.

Razhbadinov M.Z. «The Muslim Brotherhood» and prospects of the political process in contemporary Egypt.

Summary: The article focuses on the role of the moderate islamists movement «The Muslim Brotherhood» in current political situation in Egypt. «The Muslim Brotherhood» is the most organized and powerful force in contemporary Egypt. The author deals with ideology and strategy of the movement, the relationship with other political forces, internal differences and opportunities in power. He concludes that the «Cairo effect» caused long overdue tectonic shift in the Arab region. Egypt has begun its move to build up a democratic state but with their own specifics. The future situation in the country will depend on the relationship «The Muslim Brotherhood» with the army and political secular powers. The country has just started to move in the way that Turkey did a few decades ago.

Ключевые слова

«Братья мусульмане», умеренный исламизм, ситуация в постреволюционном Египте, политические реформы, движение салафитов.

Keywords

«The Muslim Brotherhood», the moderate islamists movement, situation in the Egypt in the postrevolutionary period, political reforms, the Salafi movement.

Примечания

1. Процесс политической эволюции необратимо развивается и в исламистской среде, где стали появляться различные силы неоллиберальной направленности, в том числе отошедшие от АБМ, которые открыты для широкого диалога со светскими партиями.
2. Концепции средневекового богослова Ибн Теймийи активно используют современные салафиты. Некоторые радикальные воззрения Сеида Кутба взяты на вооружение различными экстремистскими группировками.
3. В феврале – мае 2011 года в результате политической нестабильности рост экономики замедлился и опустился до 1 %, убытки промышленных секторов составили 10–20 млрд ег.ф., доходы от туристического сектора упали на 80%, полностью прекратился приток иностранных инвестиций, золотовалютные запасы Египта сократились с 36 млрд долл. до 28 млрд.